

На правах рукописи

Чистов Дмитрий Ефимович

**Мирмекий классического и раннеэллинистического
времени**

(середина V в. до н.э. – начало III в. до н. э.)

07.00.06 - археология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

С.-Петербург

2009

Работа выполнена в Институте Истории материальной культуры РАН

Научный руководитель: доктор исторических наук Виноградов Юрий Алексеевич

Официальные оппоненты:

Доктор исторических наук, профессор Молев Евгений Александрович

Кандидат исторических наук Никоноров Валерий Павлович.

Ведущая организация: Институт археологии РАН

Защита состоится « » « » 2009 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 002.052.01 при Институте истории материальной культуры РАН по адресу С.-Петербург, Дворцовая набережная, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории материальной культуры РАН.

Автореферат разослан « » « » 2009 г.

Учёный секретарь диссертационного совета, канд.ист.наук

П.Е. Нехорошев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы

Археологическое изучение боспорского города Мирмекия имеет продолжительную историю. Мирмекий был отождествлен с городищем на т.н. Карантинном мысу керченской бухты в 20-х гг. XIX в, его систематические раскопки начались 75 лет назад. Итоги этих раскопок по большей части изданы в обширной серии обобщающих статей и монографических исследований. В результате проведенных раскопок Мирмекий можно с полным правом считать одним из наиболее хорошо исследованных античных городов европейского Боспора.

Тем не менее, избранный для данной работы период (вторая половина V – начало III в. до н.э.) является для Мирмекия одним из наименее изученных. Имеющийся на сегодняшний день объем данных даже о предшествующем, позднеархаическом периоде, вовсе не уступает, а, напротив, ощутимо превышает массив информации о классическом и раннеэллинистическом Мирмекии. Тем не менее, за годы исследований был накоплен значительный объем информации об интересующем нас периоде, который требует обобщения и интерпретации.

Основной целью настоящего исследования является систематизация и обобщение сведений о Мирмекии второй половины V – IV вв. до н. э., выявление определенных закономерностей в развитии города, а также попытка связи определенных археологических свидетельств и тенденций, прослеживающихся на археологическом материале, с письменными источниками по истории Боспора указанного периода.

Степень научной разработанности темы

Культурные напластования и строительные комплексы второй половины V-IV вв. до н.э. на территории городища Мирмекий исследованы очень неравномерно. В центральной, северной и восточной частях городища, на участках «Б», «И» и «М», исследовавшихся в 1930-х-1960-х гг, сооружения интересующего нас периода были раскрыты достаточно широкой площадью

лишь в северной части участка «И», где напластования эллинистической зольной насыпи, т.н. зольника II, отлично «законсервировали» лежавшие под ними остатки сооружений V-IV вв. до н.э. На остальных вскрытых площадях строительные остатки интересующего нас периода известны лишь в обрывках. Причина их фрагментарности заключается как в уничтожении более ранних конструкций в ходе капитальных перестроек города в эллинистический период, так, не в меньшей степени, и в том, что методика раскопок 50-х 60-х гг. XX в. предполагала исследование ранних слоёв лишь отдельными шурфами, делавшимися внутри помещений эллинистического периода. Существенный прогресс в изучении ранних слоев Мирмекия был достигнут в ходе исследований западной части городища в последние десятилетия. Поскольку застройка эллинистического и римского периодов в этой части городища оказалась менее плотной, появилась возможность раскрытия нижележащих слоёв широкими площадями.

Источниковая база исследования

В качестве основных источников для написания данной работы были использованы публикации результатов работ на городище Мирмекий разных лет, архивные документы раскопок Боспорской экспедиции ИИМК, Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР, Мирмекийской экспедиции Гос. Эрмитажа, хранящиеся в рукописном и фотоархивах ИИМК РАН, а также архиве Отдела античного мира Гос. Эрмитажа, археологические находки в фондах Керченского Государственного Историко-культурного заповедника и Отдела античного мира Гос. Эрмитажа. Автор участвовал в исследованиях Мирмекия на протяжении ряда раскопочных сезонов, принимал участие в подготовке отчетов и их последующей публикации (Бутягин, Виноградов, Чистов 2000; Бутягин, Виноградов, Чистов 2001; Бутягин, Виноградов, Новоселова, Чистов 2003; Бутягин, Новоселов, Новоселова, Чистов 2004; Бутягин, Чистов 2004; Бутягин, Чистов 2005; Чистов 1999а; Чистов 2004; Чистов 2006).

Научная новизна исследования

Настоящая работа является первой попыткой обобщить как опубликованные, так и пока не введенные в научный оборот данные о Мирмекии второй половины V – IV вв. до н. э., реконструировать тенденции развития и облик этого небольшого боспорского города в указанное время, смоделировать особенности его пространственной организации и планировки.

Хронологические рамки работы

В качестве хронологических рамок работы избран период классики и раннего эллинизма (середина V – начало III в. до н. э.). Для хронологии Мирмекии и центров европейской части Боспора в целом нижняя граница указанного периода приходится на время становления боспорской государственности - приход к власти династии Археанактидов (480/79 гг. до н.э.), и, как предполагают некоторые исследователи, создание симмахии или амфикистии боспорских колоний под главенством Пантикапея. Верхний хронологический рубеж в достаточной мере условен, поскольку не имеет столь очевидного соответствия в истории Боспорского царства. Тем не менее, для хронологии северопричерноморского региона рубеж IV – III вв. до н. э. является переломным, поскольку на это время приходится крушение Великой Скифии и начало переориентации государственной политики по отношению к туземным племенам с акцентом на связи с сарматами.

В хронологии строительных периодов самого Мирмекии интересующий нас период непосредственно предшествует этапу бурного расцвета городской жизни в III-II вв. до н.э. Именно в это время Мирмекий приобретает важное значение в качестве одного из крупных центров виноделия на Боспоре.

Методологическая основа диссертации

В работе используется комплексный анализ имеющихся источников такими широко применяемыми в археологии методами, как стратиграфический, типологический, метод синхронизации. С их помощью определяется относительная и абсолютная хронология объектов жилого, хозяйственного и военного назначения. Для этой цели использованы новейшие разработки по хро-

нологии археологического материала, прежде всего – различных групп амфорных клейм, являющихся достаточно точным хронологическим индикатором для комплексов IV в. до н. э. На основе полученной хронологии археологических комплексов сделана их периодизация; основное внимание уделено таким фактам, как активизация фортификационного строительства, а также следы разрушений и пожаров. Предпринята попытка сопоставить подобные археологические данные, отражающие военную и политическую ситуацию в регионе, с датированными фактами истории Боспора V – IV вв. до н. э. Для этой цели общие тенденции развития Мирмекия указанного периода сравниваются с аналогичными данными, иллюстрирующими развитие других урбанистических центров Боспора (прежде всего, его европейской части).

В работе также использован топографический метод, - все раскрытые в ходе раскопок разных лет строительные объекты и их фрагменты, археологические комплексы, участки слоя второй пол. V – IV вв. до н.э. нанесены как на сводные планы участков, так и на общий современный топографический план городища. Такой подход позволил судить о плотности городской застройки, взаимном расположении различных объектов, и сделать предположения относительно планировочной структуры отдельных районов Мирмекия рассматриваемого периода.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертационной работы были использованы для подготовки серии докладов на различных конференциях: юбилейной конференции к 170-летию Керченского музея древностей (Чистов 1996), конференциях «Боспорский феномен», г. С.-Петербург (Чистов 2004), «Боспорские чтения», г. Керчь (Чистов 2004б; Чистов 2005), «Античный мир» г. Белгород (Чистов 1999б), «Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII-I вв. до н.э.)», Тамань (Чистов 2000а), II Международном понтийском конгрессе, г. Анкара (2001 г), а также докладов, прочитанных в разные годы на заседаниях Отдела Античного мира Гос. Эрмитажа и Отдела античной археологии ИИМК РАН. Издана серия статей, посвященных публикациям использован-

ных в работе строительных комплексов и находок (Чистов 1999а, Чистов 2004а, Бутягин, Чистов 2005, Butyagin, Chistov 2006), общим вопросам хронологии и планировки города второй пол. V – IV в. до н. э. (Чистов 2006, Chistov 2007).

Структура работы

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и списка использованных архивных материалов, а также приложения – альбома иллюстраций и таблиц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение

Во Введении обосновывается актуальность темы диссертации, определяются цель и основные задачи исследования, устанавливаются хронологические рамки работы, дается общая характеристика степени разработанности темы, источниковой базы и методики.

Глава I. История изучения Мирмекия

Боспорский город Мирмекий уверенно отождествляется с городищем, расположенным на т. н. Карантинном мысу на северной оконечности Керченской бухты. Точное местонахождение Мирмекия установлено на основе сообщения Страбона и восходящего к эллинистическому источнику позднеантичного перипла Анонима.

К городищу примыкал обширный некрополь, распространявшийся на восток, северо-восток и на север. Исследования различных его участков некрополя проводились Ф. И. Гроссом (1883, 1885, 1887, 1888 гг.), К. Е. Думберггом (1899 г.), В. В. Шкорпиллом (1906 г.), Н. В. Молевой (1974-75 гг.). Два захоронения, относящихся к позднеархаическому некрополю, были раскрыты в ходе раскопок под фундаментом крепостной башни на раскопе «Б».

По своим размерам и значению Мирмекий нередко причисляют к т. н. «малым городам Боспора». Несмотря на всю расплывчатость этого термина, для такого определения есть основания, поскольку отсутствие упоминания о выведении апойкии, своего собственного чекана и эпиграфических докумен-

тов, могущих свидетельствовать о наличии у Мирмекия полисного статуса (на раннем этапе существования) допускают возникновение этого городка в результате вторичной, внутренней колонизации региона

Наиболее ранний источник, в котором упоминается Мирмекий, перипл Псевдо-Скилака IV в. до н. э., перечисляет его среди наиболее значительных греческих городов европейского побережья Боспора. Страбон же именует его «городком» или «деревней» - комой. Примечательно упоминание Клавдием Птолемеом «мыса Мирмекий», поскольку из него следует, что Карантинный мыс в древности имел одноименное с городом название. Упоминания Мирмекия присутствуют и у других античных и раннесредневековых авторов – Помпония Мелы, Плиния Старшего, Птолемея, Стефана Византийского, в «Гетике» Иордана.

В 1820 г. Поль Дюбрюкс составил первое описание Мирмекия; им же, совместно с И.А. Стемпковским был снят первый топографический план городища. На сегодняшний день известно три различных плана городища XIX в., по меньшей мере, два из которых были составлены Дюбрюксом или восходят к его оригиналам. В 1834 г. при установке флагштока на скале мирмекийского акрополя моряки карантинной стражи обнаружили вырубленные в ней склепы, и нашли два мраморных саркофага, один из которых, произведенный в аттической мастерской во второй половине II в. н. э., имел прекрасное скульптурное оформление.

Первые археологические раскопки на территории Мирмекия были произведены директором Керченского музея А. Е. Люценко в 1863 г. Участки его работ в настоящее время не поддаются точной локализации на местности. Тем не менее, можно предположить, что один из них, раскрывший часть винодельни, прорезал насыпь т. н. зольника II. В 1885 г. раскопки на городище проводил Ф. И. Гросс. В прибрежной, юго-восточной части городища, им был открыт участок довольно мощной стены, протянувшейся вдоль берега.

Систематические работы по исследованию Мирмекия были начаты в 1934 году под руководством В. Ф. Гайдукевича Боспорской экспедицией ГА-

ИМК и велись, с перерывами, до смерти исследователя в 1966 г. В числе основных результатов этих работ - раскрытие участков городской оборонительной стены двух строительных периодов на северной и восточной границах городища (раскопы «Б», «М»); обширного (более 4000 кв. м.) участка жилой и хозяйственной застройки эллинистического города III - II вв. до н. э., исследование двух разновременных золистых холмообразных насыпей - зольников I и II (северная часть раскопа «И»). Исследования В. Ф. Гайдукевича показали значительную роль виноделия в хозяйстве Мирмекия эллинистического и римского времени; были получены важные сведения о деградации городской застройки в I в. до н. э. и об облике Мирмекия римского периода. В 1982-1994 гг. на городище работает Мирмекийский отряд Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Ю. А. Виноградова. В числе основных результатов этих исследований, сосредоточенных преимущественно в западной части городища, можно назвать раскрытие ряда комплексов периода архаики, позволивших уточнить периодизацию развития Мирмекия во второй половине VI - первой трети V в. до н. э., исследования фортификационных сооружений VI-V вв. до н. э., раскрытие участка городской застройки, погибшей в пожаре второй четверти - середины IV в. до н. э.

Археологические исследования Мирмекия были снова возобновлены в 1999 г. в рамках совместного проекта ИИМК РАН и Гос. Эрмитажа. С 2000 г. и по настоящее время на городище ведутся работы Мирмекийской археологической экспедиции Эрмитажа. Основные результаты этого этапа исследования таковы: в районе, примыкающем к скале акрополя, открыт ряд поздне-средневековых комплексов, относящихся к периоду генуэзского поселения Пондико (раскоп «С»), а также участок поздне-средневекового христианского некрополя XIII-XIV вв., насчитывающий более 80 погребений (раскоп «Т»). К западу от скалы акрополя исследован т. н. западный зольник эллинистического времени, а также перекрытые им остатки монументального, сооружения конца IV в. до н. э. - гробницы или фундамента башни. Важным результатом исследований стало открытие сооружений усадьбы римского вре-

мени и участка фортификации акрополя V в. до н.э. продолжающего к востоку линию укреплений, ранее исследованную Ю. А. Виноградовым (раскоп «Т»). В ходе работ, возобновленных на участке «И» были изучены сооружения конца VI – середины V в. до н.э., доследовалось т. н. «святилище Деметры» IV в. до н.э., в одном из помещений которого был найден клад, состоявший из 99 статеров Кизика.

Глава II. Оборонительная система и акрополь Мирмекия в V - III вв. до н. э.

Во вступительной части главы рассматривается вопрос достоверности и соотнесения сведений об оборонительной системе Мирмекия, полученных на основе анализа трех известных нам планов городища, составленных в XIX в. Делается вывод о тождественности «валов» на раннем плане П. Дюбрюкса и линии укреплений с остатками башен, отмеченной на последнем плане исследователя, изданном И. В. Тункиной.

2.1 Крепостная стена V в. до н. э.

Мирмекийские укрепления периода классики открыты на раскопе «Р», на участке длиной в 12 м. У внешнего панциря стены открыта полуземлянка 3-ей четверти V в. до н. э., что позволило Ю. А. Виноградову предположить, что уже к этому времени стена утратила оборонительное значение. Находки, сделанные в напластованиях пожаров, датируемых первой третью V в. до н.э., позволяют предполагать, что в это время Мирмекий пострадал от вражеского нападения; вскоре после этих событий город был защищён крепостной стеной.

Поскольку стена V в. до н.э. исследована на очень небольшом участке, трудно судить о реальной площади города, которую она защищала. Во всяком случае, укрепленная территория Мирмекия в рассматриваемый период вряд ли могла превышать 1,5 га (включая скалу акрополя), что могло быть достаточным для поселения максимум 500 человек. По всей видимости, во второй трети V в. до н.э. площадь города значительно сократилась, а население, по большей части, ушло под защиту крепостных стен. Этот вывод

Ю. А. Виноградова и С. Р. Тохтасьева на сегодняшний день в целом подтверждается и результатами, полученными при раскопках восточной части городища (участок «И»), проводившимися под руководством А. М. Бутягина

2.2 Северная оборонительная стена

Отрезок северной оборонительной стены Мирмекия был выявлен на раскопе «Б». Его протяженность составила около 42 м; полностью открыты остатки одной из башен и участки куртин, примыкавших к ней с запада и востока. Керамические материалы с наиболее ранних горизонтов вымосток улицы, примыкавшей к стене со стороны города, позволили предположить, что она уже существовала при первых правителях династии Спартокидов в начале IV в. до н.э. Остатки сооружения, пристроенного к северному, напольному фасаду стены, В. П. Толстиков интерпретирует как бастион, приспособленный для размещения метательных орудий, и датирует временем Митридата VI Евпатора. Однако, подобное допущение представляется нам маловероятным. Всего скорей, строительные остатки к северу от стены возникли уже после её разрушения.

2.3. Восточная оборонительная стена

Участок оборонительных сооружений Мирмекия, возведенных в конце V или начале IV в., был раскрыт на раскопе «М» на восточной окраине городища. В этом районе найдены остатки стен двух разных строительных периодов: наиболее ранняя стена «Б» функционировала на протяжении IV века, примерно до середины III в. до н.э.; затем она была разобрана, а на её месте возникла «стена А», причем ее трасса оказалась несколько смещена к востоку. Для раннего участка стены выявлены остатки башни и примыкающие к ней с севера и юга отрезки куртин.

Точная высота мирмекийских стен не поддаётся восстановлению, однако, по всей видимости, она не превышала 7-8 м, обычных для боспорской фортификации. Скорее всего, по аналогиям с реконструированной высотой куртины Семибратнего городища и стен

Пистироса, она составляла 6-6,5 м. Конструкция башен, очевидно, предполагала наличие на уровне боевых галерей куртин деревянных переходных мостков, которые могли быть быстро сброшены в ходе осады защитниками с целью воспрепятствовать штурмующим попасть как в саму башню, так и свободно переходить с одной куртины на другую. Наряду с укреплениями Семибратнего городища они входят в число наиболее ранних из известных нам городских башен европейской и азиатской частей Боспора. Толщину их несущих стен можно считать достаточно значительной для двухъярусных башен IV в. до н. э., конструкция которых не предполагала установку тяжелых метательных машин, обычных для более поздних эллинистических укреплений, возводившихся с учетом габаритов торсионных катапульта.

Сопоставление раскрытых участков оборонительной стены Мирмекия с деталями плана П. Дюбрюкса наталкивается на большие сложности из-за существенных искажений масштаба последнего. Тем не менее, сравнивая данные этого плана с результатами раскопок, можно воссоздать приблизительные очертания крепостных стен Мирмекия на современном ландшафте. Так, можно допустить, что «полубашня № 27» П. Дюбрюкса идентична северной крепостной башне, раскрытой на раскопе «Б», а также приблизительно рассчитать месторасположение отмеченных на плане городских ворот.

2.4. Акрополь Мирмекия во второй половине V – IV вв. до н.э.

Объем данных, позволяющих судить об использовании скалы акрополя на протяжении V-IV в. до н. э., весьма невелик. Не исключено, что скала использовалась для размещения каких-то общественных сооружений начиная с позднеархаического периода. Более определенные свидетельства этому фиксируются с последней четверти IV в. до н. э. В кладке загородки римской усадьбы у восточной части скалы акрополя найден фрагмент мраморной плитки с многострочной посвятельной надписью, содержащей посвящение Деметре Фесмофоре конца IV – начала III в. до н. э., т. е. периода

правления Евмела или его сына Спартока III. Примечательны находки фрагмента монументальной конструкции (возможно – стилобата небольшого храма), выявленного с северо-восточной стороны скалы акрополя, а также частично сохранившегося алтаря, обнаруженного в нескольких метрах от восточной полы скалы.

Чрезвычайно интересен недавно раскрытый у западного склона скалы акрополя объект, представляющий собой врезанное в скалу прямоугольное помещение размерами 5.4 x 5 м., датируемое последней четвертью – концом IV в. до н. э. Интерпретация этой постройки серьезно осложняется тем обстоятельством, что ее строительство не было завершено. Наиболее вероятным представляется ее определение как основания башни, предназначенной контролировать портовую часть городка. Возведение такого сооружения можно рассматривать в рамках проводившихся Евмелом активных мероприятий по укреплению безопасности торговли и борьбе с пиратством (Diod. XX, 20, 25). В таком случае внезапная смерть правителя от несчастного случая, последовавшая на шестом году царствования (Diod XX, 25, 26), могла стать главной причиной того, что начатое им строительство было свернуто.

Глава III. Восточные кварталы Мирмекия во второй половине V - начале III вв. до н.э.

3.1. Участок «И»

3.1.1 Комплексы второй половины V в. до н. э.

Единственным сооружением, достоверно относящимся ко второй половине V в. до н. э. из раскрытых в центральной и восточной частях Мирмекия являются два помещения - XLIV и XLV, раскрытые в северной части раскопа «И». Они представляют собой остатки жилого дома, сосуществовавшего с насыпью зольника I, который граничил с этим объектом с севера.

3.1.2 Строительные остатки и участки слоя IV в. до н. э. в южной части раскопа «И».

В южной части участка «И» строительные остатки IV в. до н. э. известны в небольших фрагментах, не позволяющих с какой-либо степенью вероятности восстановить планировку зданий. Исключение составляет лишь часть жилого дома первой половины IV в. до н.э. - помещение LVI и мощеный двор с оградой (LV), примыкавший к нему с юга. На приведенном в работе сводном плане строительных остатков классического и раннеэллинистического времени каталогизированы 14 объектов, представляющих собой фрагменты кладок, вымосток и участков культурного слоя указанных периодов. Наибольший интерес представляет отрезок городской улицы (т. н. «южная» улица), непрерывно функционировавшей, по меньшей мере, с позднеархаического периода до эллинистического времени. Предположительно выделяются фрагменты вымосток, принадлежавших еще двум улицам («западной» и «восточной»), ориентированным в меридиональном направлении, и образовавшим, вместе с «южной» улицей квартальную сеть IV в. до н. э. на раскопанном участке.

3.1.3 Строительные остатки и участки слоя IV в. до н. э. в северной части раскопа «И».

«Святылище Деметры»

Строительные остатки многокамерного комплекса, известного под условным названием «святылище Деметры», введены в научный оборот в последней, посмертно изданной монографии В.Ф. Гайдукевича. Уточнить датировку комплекса и реконструировать его планировку позволила работа с архивными материалами, и недавно возобновленные раскопки на участке «И». Установлено, что данное сооружение, существовавшее с первой четверти IV в. до н.э. до 350-х гг. до н. э., включало в себя не меньше восьми помещений, а общую его площадь можно оценить, как минимум, в 560 кв. м. Наибольший интерес представляет помещение, в центре которого располагался прямоугольный каменный алтарь. При исследовании комплекса в 2003 г. в юго-западном углу этого помещения был найден клад – бронзовый кувшинчик - ольпа, содержащая 99 электровых статеров г. Кизика. Хотя большинство

представленных в кладе монетных типов относится к V в. до н. э., наиболее поздняя монета датируется 400-380 гг. до н. э.

Приведенный в работе анализ планировочных особенностей комплекса не позволяет однозначно утверждать, что он представлял собой именно общественное здание, и вызывает серьезные сомнения в его культовом назначении. Это многокамерное сооружение равнозначно-параллельной планировки с отдельной пристройкой, оградой, мощеным двором более напоминает частное домовладение. На основании этого и по аналогии с особенностями планировки жилых домов Олинфа и Кассопы предложена интерпретация «помещения с алтарем» как комнаты-ойкоса, а самого алтаря - как парадного очага (гестии).

Зольник I

Зольник I представлял собой относительно невысокую холмообразную насыпь слоистых зольных отложений, имевшую мощность менее метра. Его площадь, по мнению В. Ф. Гайдукевича, составляла порядка 130 кв. м. или около 1/3 от площади зольника II. Однако, по нашему мнению, его территорию можно оценить минимум в 600-700 квадратных метров. Поскольку в слоях зольника I превалирует материал середины – третьей четверти указанного столетия, можно предполагать, что формирование насыпи прекратилось в последней четверти V в. до н. э.

Зольник II

Мощная насыпь зольника II была видна на дневной поверхности городища и до начала раскопок. Есть основания полагать, что на плане П. Дюбрюкса ему соответствует объект № 24. С учетом результатов последних исследований протяженность насыпи зольника II можно оценить порядка 35-40 м с запада на восток, и 25-30 м с севера на юг (т. е. его площадь приближается к 1000 кв. м.). Напластования зольника II подстилалась слоем желтоватого суглинка мощностью 0.4-0.6 м, которые, по нашему предположению, представляют собой слой разрушения сырцовых стен «святилища Деметры». Зольник был огорожен специальной каменной оградой, остатки которой

были выявлены раскопками разных лет с восточной и западной его полы. На основании изданных В. И. Пругло (Денисовой) амфорных клейм, происходящих как из насыпи зольника II, так и из подстилающего желтоглинистого слоя начало периода активного формирования насыпи можно определить не точнее, чем вторая половина – конец IV в. до н. э.

Проблемы интерпретации зольников Мирмекия.

Общепринятой интерпретации зольников Мирмекия на сегодняшний день не существует. В. Ф. Гайдукевич сформулировал положение о преимущественно культовом назначении зольных холмов, сопоставив их с зольными алтарями–эсхарами, подобными алтарю Зевса Ликейского в Олимпии, описанному Павсанием. Исследователь усматривал в материалах зольника II связь с культом Деметры. Схожих представлений в настоящее время придерживается А. С. Русяева. Однако, такая интерпретация имеет ряд слабых мест, поскольку зольники по своим размерам значительно превосходили греческие эсхары, и не могли сформироваться на этом месте исключительно в результате отправления религиозных обрядов. Ближайшими аналогиями зольникам Мирмекия можно считать как китейский зольник, так и мощную золистую насыпь в Нимфее. Гипотеза, согласно которой мирмекийский зольник II может рассматриваться как явление синкретической греко-варварской культуры, была выдвинута В. И. Денисовой и, в последствии, развита Ю. А. Виноградовым. Соглашаясь в целом с тем, что зольники могли спорадически использоваться в обрядовых целях, следует отметить, что хронологическое «чередование» мирмекийских зольников со зданиями, имевшими помещения с алтарями (очагами – гестиями), не является весомым аргументом для обоснования их культовой функции, поскольку эти комплексы имеют явные признаки жилых домов и не могут считаться общественными сооружениями (см. выше).

Периодизация строительных объектов и зольников, раскрытых в северной и центральной части раскопа «И». Проблема «теменоса Мирмекия».

Для северной части раскопа «И» в V – IV вв до н. э выделяется 4 основных этапа использования территории, связанных с существованием на одной и той же площади позднеархаического здания, зольника I, «святилища Деметры» и зольника II. В III в. до н. э. к югу от зольника II возникает новое здание, в центре одного из помещений которого располагался каменный алтарь. В. Ф. Гайдукевич предполагал непосредственную связь этого комплекса с зольником, считая его частью теменоса Мирмекия. Тем не менее, реконструкция планировки этого сооружения, выполненная Е. Грицик, указывает на то, что он был многофункциональным сооружением, причем включенное в комплекс помещение с алтарем не сообщалось напрямую с территорией зольника II. Совпадение площадей, последовательно занимаемых архаическим домом (или архаическим кварталом, состоявшим из нескольких домов), «святилищем Деметры» и зольником I вполне может объясняться чисто «техническими» причинами, т. е. постоянством планировки сети кварталов этого района города в V-IV вв. до н. э.

3.2. Участок «Б»

Основным объектом интересующего нас периода на расположенном в северо-восточной части городища раскопе «Б» является оборонительная стена IV в. до н.э. с башней, а также вымостки улицы, проходившей вдоль ее обращенного к городу южного фасада. находка архитектурных деталей (архитрава, фриза и карниза от здания дорического ордера) второй половиной IV – начала III в. до н. э. в вымостке двора винодельни конца III в до н.э. указывает на то, что ордерное здание располагалось где-то неподалеку, в границах квартала, соседствовавшего с северной крепостной стеной. На основной площади раскопа «Б» строительных остатков и участков слоя V – IV вв. известно очень мало, этим временем могут быть датированы лишь колодец и угол стен одного сооружения.

3.3. Участок «М»

Наши знания о жилой застройке кварталов V – IV вв. до н. э., располагавшихся вблизи восточной оборонительной стены, к сожалению, пока очень

фрагментарны. Раскрыта лишь часть постройки IV в. до н. э., располагавшейся приблизительно в 12 метрах к западу от городской стены, а также небольшой участок вымостки улицы или переулка IV в. до н. э., очевидно, подходившего непосредственно ко входу в оборонительную башню. Строительные остатки, выявленные вдоль западного фасада куртины стены IV в. до н. э. и к западу от входа в башню (с учетом результатов последнего полевого сезона на городище) свидетельствуют о том, что жилая застройка этого времени подходила вплотную к оборонительным сооружениям.

Глава IV. Западный район Мирмекия во второй половине V – начале III вв. до н. э.

4.1. Комплексы второй половины V в. до н. э.

В западной части Мирмекия раскрыты только два объекта указанного периода. Полуземлянка VII раскрыта у внешнего (северного) фасада оборонительной стены V в. до н. э. По находкам из заполнения она датируется третьей четвертью V в. до н. э. Близким временем датируются остатки одного небольшого однокамерного здания, помещения I, раскрытого на раскопе «П». Малочисленность комплексов второй половины V в. до н. э. в западной части Мирмекия Ю. А. Виноградов и С. Р. Тохтасьев объясняют резким сокращением площади архаического городка к середине V в. до н. э. до небольшой, примыкающей к скале акрополя территории, защищенной оборонительной стеной, а появление полуземлянки VII с ее напольной стороны в третьей четверти столетия воспринимается как своего рода знак уменьшения военной опасности и начала периода стабилизации в регионе. Соглашаясь в целом с мнением исследователей, следует обратить внимание на то обстоятельство, что и на раскрытых участках в пределах территории, ограниченной оборонительной стеной V в. до н. э. (раскоп «С») комплексов второй половины V в. до н. э. пока также не найдено, а сооружения начала IV в. до н. э. обычно перекрывают архаические слои. Причина такой странной «пустоты» на территории, которая должна была использоваться наиболее активно именно в указанный период, пока не имеет убедительного объяснения.

4.2. Комплексы первой половины – середины IV в. до н. э.

Для рассматриваемого периода в западной части Мирмекия раскрыты 4 объекта, представляющих собой остатки каменно-сырцовых жилых домов: помещение X (раскоп «Р»), помещения VI, строительные комплексы XXVI, XXXI (раскоп «С»), а также связанные с указанными комплексами фрагменты вымосток, хозяйственные ямы. Для трех из этих сооружений (пом. VI, СК XXVI, XXXI) установлено, что они погибли в пожаре.

4.3. Строительные остатки второй половины IV – начала III в. до н.э.

Несколько объектов, раскрытых в западной части городища, могут быть с большей или меньшей степенью достоверности отнесены к середине – второй половине IV в. до н.э., т. е. к периоду, последовавшему за гибелью ряда построек этой части города в пожарах. К ним, прежде всего, следует отнести помещение VII (раскоп «С»). Оно представляет собой часть сооружения, возникшего на месте руин сгоревшего в пожаре дома (помещение VI), причем его стены были возведены непосредственно на известковых полах более раннего комплекса, прямо поверх керамических развалов, его перекрывавших. Две полуземлянки IV в. до н. э. – округлая и подпрямоугольная (помещения XI и XII) были открыты на раскопе «Р». Предположительно они могут быть отнесены к периоду, последовавшему за гибелью каменно-сырцовых жилых домов в этой части города в крупном пожаре.

На западной окраине городища (раскоп «С») раскрыты еще две полуземлянки (I и II). Керамический комплекс в их заполнении весьма неоднороден, однако можно предполагать, что время их существования пришлось приблизительно на рубеж IV – III вв. до н. э. Нельзя исключать использование этих объектов в качестве хозяйственных, подвальных помещений. Ко второй половине IV - началу III в. до н.э. относится время возведения стены (№ 1), перекрывающей крепостную стену V в. до н. э. (раскоп «Р»). Эта кладка, вероятно, исполняла роль ограды, которой был обнесён какой-то участок по-

близости от скалы акрополя. Судя по её направлению, сама скала в этот огороженный участок включена не была.

Развитие западной части города в хронологических рамках с середины V по начало III в. до н. э. на сегодняшний день можно представить следующим образом: во второй четверти V в. до н.э. возводится оборонительная стена, причём одновременно с этим западная окраина городища, как за пределами городских стен, так и в укрепленной части города подвергается запустению. В третьей четверти столетия строительство здесь возобновляется, хотя регулярная городская застройка данного периода нам не известна. Примерно в то же время крепостная стена утрачивает своё значение. Несмотря на то, что комплексы первой половины IV в. до н.э. весьма сильно повреждены сооружениями римской эпохи, их взаимное расположение и ориентация стен позволяет предполагать существование определенной регулярности в планировке домов, располагавшихся подле западного склона занимаемого городищем холма. Представляется возможным в общих чертах реконструировать облик рядовой жилой застройки Мирмекия первой половины IV в. до н.э. Она состояла из многокамерных каменно-сырцовых домов, перекрытых черепичными крышами. К сожалению, ни один из домов IV в. до н.э. в этой части городища не был раскрыт полностью, а, следовательно, мы пока не имеем возможности судить о среднем размере домохозяйства и топографии жилых кварталов. Приблизительно 60-ми – 50-ми годами IV столетия датируются следы крупного пожара, зафиксированные во время раскопок двух зданий, располагавшихся неподалёку друг от друга. Строительные остатки западного района городища второй половины IV – первой половина III в. до н.э. довольно невыразительны и небогаты находками керамики. Существенную их часть составляют заглубленные в землю сооружения – полуземлянки или подвалы, которые использовались для различных нужд. По всей видимости, центр городской жизни постепенно смещался от скалы акрополя к востоку, к эллинистическому «городу виноделов», а район, располагавшийся вдоль западного склона мирмекийского холма, использовался горожанами преимущественно

в хозяйственных целях. (Чистов 2000 с. 147). Нельзя исключать того, что это обстоятельство может быть как-то связано с использованием акрополя для постройки святилища, и формирования на склонах его скалы эллинистических зольников.

Глава V. Мирмекий и урбанистические центры европейского Боспора во второй половине V- IV в. до н.э.: археологические свидетельства и исторические реконструкции

Целью данного раздела работы является сопоставление данных археологии, иллюстрирующих развитие урбанистических центров европейской части Боспора (в том числе, и Мирмекия), с важнейшими тенденциями и некоторыми основными событиями политической истории региона.

5.1. Политический статус Мирмекия во второй половине V – IV вв. до н.э.

Хотя не может быть сомнений в том, что на протяжении указанного периода Мирмекий находился в полной политической зависимости от Пантикапея (в последствии - державы Спартокидов), формы зависимости и особенности управления его общиной не вполне ясны. На территории Мирмекия до сих пор не найдены какие-либо сооружения, безусловно интерпретируемые как общественные. Вместе с тем, зафиксированы косвенные свидетельства наличия святилища (или святилищ) на скале акрополя как в позднеархаическое, так и в раннеэллинистическое время. По всей видимости, в рассматриваемый период Мирмекий являлся демом Пантикапея независимо от того, был ли он продуктом вторичной колонизации в регионе, или же его поначалу автономная община была со временем интегрирована в состав пантикапейского полиса.

5.2. Мирмекий в структуре освоения сельскохозяйственных территорий Европейского Боспора

Мы располагаем чрезвычайно малым количеством данных в отношении сельской округи Мирмекия как в V-IV вв. до н.э., так и в иные исторические эпохи. Практически вся территория вокруг городища находится под го-

родской застройкой современной Керчи. Единственным исключением можно считать раннеэллинистическую усадьбу конца IV-III вв. до н. э. и участок ее некрополя в 2 км к западу от Мирмекия. Небольшое античное поселение эллинистического и римского времени было выявлено разведками в 800 метрах к северо-западу от Карантинного мыса. В результате недавно предпринятой попытки реконструкции хоры городов Европейского Боспора посредством совмещения данных аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок, выявлен размежеванный участок площадью не менее 90 кв. км, поделенный примерно на 700 клеров. Этот район определен как хора Пантикапея, но включает и никак не отделенную от нее территорию округа Мирмекия. Тем не менее, трудно согласиться с выводами авторов исследования (Смекалова, Смекалов, Попов), согласно которым эта система равных по площади клеров возникла в результате земельной реформы, проведенной Левконом I.

5.3. Центры Европейского Боспора в середине – второй половине V в. до н.э.

Во второй четверти V в. до н.э. обводными линиями укреплений обзаводятся по меньшей мере два из «малых городов» Боспора – Тиритака и Мирмекий. Общей их чертой является очевидная поспешность возведения. Фортификационное строительство, наблюдаемое в начале первой четверти V в. до н. э. в Пантикапее, несколькими десятилетиями позже – в Мирмекии, Тиритаке, а также на азиатской стороне Боспора – в Фанагории, убедительно интерпретируется рядом исследователей как свидетельство резкого ухудшения внешнеполитической обстановки в регионе, появления непосредственной угрозы со стороны скифских племен. Намечаются даже определенные этапы этого противостояния, укладывающиеся в первую половину V в. до н. э. Чрезвычайно яркую картину дают исследования В. П. Толстикова, выявившие возврат к земляночным постройкам и следы интенсивной металлургической деятельности, связанной с производством оружия на акрополе Пантикапея в 90-х-70-х гг. V в. до н.э. Разнообразие мнений на счет причин разрушений на боспорских поселениях в первой половине V в. до н.э. можно све-

сти к двум альтернативным концепциям. Согласно первой (Ю. Г. Виноградов, В. П. Гостиков, Ф. В. Шелов-Коведяев), данные археологические свидетельства увязываются с натиском номадов на боспорские колонии. Согласно альтернативной гипотезе (Е. А. Молев), разрушения в малых городах европейского Боспора указывают на внутренний конфликт в среде греческих центров, вызванный активной политикой Пантикапея, направленной на укрепление собственного влияния. Своеобразным компромиссом между двумя описанными выше крайними точками зрения служит гипотеза А. А. Завойкина, согласно которому следы разрушений начала второй четверти V в. до н.э. на акрополе Пантикапея могут рассматриваться как свидетельство тиранического переворота в этом полисе. По нашему мнению, такие признаки боевых действий, как наконечники стрел, застрявшие в стенах, возведение укреплений акрополя с максимальной экономией сил и средств и разборка старой застройки скорее все же свидетельствуют об угрозе, пришедшей извне.

5.4. Создание территориальной державы Спартокидов

Следующий этап истории городов Боспора, отчетливо фиксирующийся в наших источниках, связан с активной объединительной политикой ранних Спартокидов, Основатель династии приходит к власти в Пантикапее в 438/37 г до н. э. (Diod XII. 31, 1); во второй половине V в. до н.э. на акрополе Пантикапея возникает «здание с андроном», интерпретируемое его исследователями как остатки древнейшей резиденции Спартокидов (Сатира I – Левкона I). В контексте экспансионистской политики Сатира I следует рассматривать возведение городской оборонительной стены Мирмекия, поскольку, по нашему мнению, эта линия укреплений могла быть возведена еще в конце V в. до н. э. Каких-либо очевидных следов разрушений этого времени на территории европейского Боспора не зафиксировано, однако они выявлены на азиатской стороне, в Фанагории, где последней четвертью V в. до н. э. датируются слои пожара и прекращение существования оборонительной стены, воздвигнутой относительно незадолго до этого, а также перерыв в чеканке монеты.

Своего рода точкой отсчета в начале создания ядра боспорской державы становится захват Нимфея Сатиром I. Наиболее позднее захоронение «местной группы» на некрополе Нимфея может быть датировано около 420-400 гг. до н.э., что позволяет предполагать, что «особые отношения» полиса с племенной группой скифов по тем или иным причинам прервались совсем незадолго до, или же вследствие присоединения к державе Спартокидов (Чистов 2002 с. 262-263).

5.5. Война за Феодосию и следы разрушений в центрах Европейского Боспора

К началу IV в. до н. э., после присоединения Нимфея и Фанагории, завершается формирование территориального ядра боспорской державы, и основные экспансионистские устремления Сатира I направляются в сторону все еще сохраняющей независимость Феодосии. Попытки выявить отражение событий, связанных с феодосийской войной в археологическом материале городов Боспора приводят нас к рассмотрению достаточно многочисленных свидетельств пожаров и разрушений, датируемых в рамках первой половины IV в. до н. э. Выразительные следы разрушений этого времени выявлены в Мирмекии, Нимфее, Порфмии, Тиритаке, Киммерике, поселении на мысе Зюк. Следы разрушений близкого времени фиксируются также в азиатской части Боспора, в Синдской Гавани (Горгиппии) и в Лабрисе (Семибратнем Городище). Вполне объяснимо желание увязать эти археологические материалы с совершенно конкретными событиями истории Боспора ранних Спартокидов, и, в частности, с последствиями десантов, которые высаживали гераклеоты на боспорском побережье (Polyaen VI, 9, 4). Однако ключевая проблема интерпретации этих свидетельств заключается в невозможности на нынешнем уровне наших знаний подтвердить или опровергнуть синхронность и общий характер вызвавших их событий. Пожары на западной окраине Мирмекия имели место, скорее всего, около середины IV в. до н. э. Приблизительно в это же время, или несколько позднее, прекращает существовать комплекс «святилища Деметры» в восточной части города. Столь поздняя

дата пожаров на западной окраине Мирмекия либо не позволяет увязывать их с событиями войны за Феодосию, либо ставит под вопрос достоверность ныне признанных датировок фасосских клейм. Более достоверным представляется совпадение периода войны за Феодосию и времени закладки клада из 99 статеров Кизика, обнаруженного в помещении с алтарем «святилища Деметры».

Хотя все выявленные следы разрушений первой половины IV в. до н.э. не могут однозначно указывать на одни и те же исторические события, в совокупности с прочими источниками они достаточно очевидно иллюстрируют смутное время становления территориальной Боспорской державы.

5.6. Центры Европейского Боспора во второй половине IV – начале III в. до н.э.

Создается впечатление, что период стабилизации отчетливо фиксируется на Боспоре лишь ближе к середине IV в. до н. э. Показательно, что этим временем (середина-3 я четверть IV в. до н.э.) датируется возведение на акрополе Пантикапея крупного жилого комплекса, атрибутированного как базилея Спартокидов. Его постройка имела место вскоре после присоединения Феодосии, и может считаться ярким внешним проявлением завершения «государственного строительства» боспорскими тиранами. В Нимфее вышеуказанному «периоду стабилизации» примерно соответствуют возведение нового комплекса общественных зданий с пропилеями; в Нимфее и Китее в этот период наблюдается фортификационное строительство. Хотя в общем со второй четверти – середины столетия в населенных пунктах европейского Боспора наблюдается очевидный экономический и культурный подъем, процесс этот был не столь однозначен; зачастую именно в это время наблюдается перенос центра городской жизни в другие районы, как это видно на примерах Мирмекия, Киммерика, Нимфея, а также явное запустение, прослеживаемое в отдельных частях города (Нимфей, Мирмекий).

Заключение

Мирмекий, несомненно, является одним из наиболее хорошо археологически изученных урбанистических центров европейского Боспора. Тем не менее, слои различных хронологических периодов на сегодняшний день исследованы весьма неравномерно. Фрагментарность археологических источников о Мирмекии позднеклассического – раннеэллинистического времени негативно сказывается на возможностях их интерпретации; так, мы не имеем никаких данных о развитии ремесленного производства в указанные периоды (хотя для других этапов существования города такие свидетельства имеются), сведения о пространственной организации сельской округи городка очень отрывочны. По этой причине вопросы экономического потенциала классического и раннеэллинистического Мирмекия, занятий его жителей, фактически не нашли отражения в настоящей работе. Несмотря на все вышеперечисленное, обобщение сведений о Мирмекии V – IV вв. до н. э. позволяет сделать ряд наблюдений, касающихся развития города на протяжении указанного периода. В их числе – следующие:

- После событий первой трети V в. до н. э. жилая территория города редуцировалась до небольшого участка, непосредственно примыкавшего к скале акрополя, и защищенного крепостной стеной; однако облик и этой части городка не поддается реконструкции, поскольку ни одного комплекса середины – второй половины V в. до н.э. здесь не выявлено.

- К концу V – началу IV в. до н. э. застроенная территория Мирмекия вновь достигает площади, прежде занятой городской застройкой начала V в. до н.э., и даже несколько ее превосходит (с севера).

- Очертания укреплений Мирмекия IV-III вв. до н. э. на местности могут быть реконструированы путем сопоставления раскрытых участков куртин с основаниями двух башен (раскопы «Б», «М») с планами городища XIX в.

- В восточной части городища в IV в. до н. э. существовала сеть кварталов, близких по очертаниям к прямоугольным, разграниченным сетью улиц, ориентированных в меридиональном и широтном направлениях. Эта плани-

ровка в целом воспроизводила очертания позднеархаических кварталов, разрушенных в пожарах первой трети V в. до н. э.

- Во второй четверти – середине IV в. до н. э. в Мирмекии фиксируются следы новых разрушений и пожаров; особенно ярко они выявлены в западной части городка, непосредственно примыкавшей к его небольшой гавани.

- Во второй половине IV в. до н. э. центр городской жизни смещается от скалы акрополя к востоку. Вместе с тем, сама скала приблизительно с конца IV в. до н. э. использовалась для каких-то сооружений общественного назначения, вероятно – святилища.

Будучи одним из типичных античных городков Европейской части Боспора Киммерийского, в добавок к тому, расположенным в непосредственной близости от исторического ядра, и в последствии, столицы Боспорского царства, Пантикапея, Мирмекий в полной мере разделил его историческую судьбу. В его культурных напластованиях, строительных периодах различных построек, удивительно ярко отразились все основные этапы становления и развития боспорской державы. Хочется надеяться, что представленное исследование дополнит эту картину несколькими новыми штрихами.

Научные работы автора по теме диссертации

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях, определенных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Chistov D. E. Archaeological Investigations of the Hermitage Expedition on Berezan Island in 2005 // Hyperboreus. Классическая филология и история. - СПб, 2005. - Vol. XI. - С.287-291.

Статьи, тезисы докладов:

2. Чистов Д.Е. Новые данные о Мирмекии IV в. до н.э. // Проблемы археологии и истории Боспора. Тезисы докладов юбилейной конференции к 170-летию Керченского музея древностей. - Керчь, 1996. - С.96-98.

3. Чистов Д.Е. Акрополь Нимфея в первой половине IV в. до н.э. // Поселения: среда, культура, социум. Материалы тематической научной конференции. – СПб., 1998. - С.136-138.

4. Чистов Д.Е. Строительный комплекс второй четверти IV в. до Р.Х. из раскопок Мирмекия // Археология и история Боспора. – Керчь, 1999. - Том III. - С.161-172.

5. Чистов Д.Е. Развитие оборонительной системы Мирмекия в V-III вв. до н. э. // Античный мир. Материалы конференции. – Белгород, 1999. - С.82-85.

6. Чистов Д.Е. Некоторые проблемы изучения Мирмекия второй половины V – первой половины III вв. до н.э. // Таманская старина (Вып.3). Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII-I вв. до н.э.) Тезисы докладов международной конференции. - СПб, 2000. - С.144-147.

7. Чистов Д. Е. Система искусственных террас на южном склоне Нимфейского плато // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы конференции. - СПб, 2001. - Т.1. - С.123-126.

8. Чистов Д. Е. Скифы и Нимфей в V в. до н. э. // Боспор Киммерийский. Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы III Боспорских чтений. – Керчь, 2002. - С.259-265.

9. Чистов Д. Е. Святилище Деметры в Мирмекии: попытка реконструкции комплекса // Боспорский феномен. Материалы конференции. – СПб, 2004. - Т.1. - С.131-142.
10. Чистов Д. Е. Мирмекийский клад: археология и история // Мирмекийский клад. Каталог выставки. – СПб, 2004. - С.22-25.
11. Чистов Д. Е. Восточные кварталы Мирмекия в IV в. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Материалы V Боспорских чтений. - Керчь, 2004. - С.391-396.
12. Чистов Д. Е. Следы разрушений и пожаров в Мирмекии IV в. до н.э.: время ли Клеофона? // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф. Материалы VI Боспорских чтений. – Керчь, 2005. - С.348-355.
13. Чистов Д. Е. «Святилище Деметры» и восточные кварталы Мирмекия в IV в. до н. э. // Боспорские исследования. – Симферополь- Керчь, 2006. - Вып. 13. - С.99-133.
14. Бутягин А.М., Виноградов Ю.А., Чистов Д.Е. Раскопки городища Мирмекий в 1999 г. // Отчетная археологическая сессия за 1999 год. Тезисы докладов. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. - С.23-25.
15. Бутягин А.М., Виноградов Ю.А., Чистов Д.Е. Работы Мирмекийской археологической экспедиции в 2000 г. // Отчетная археологическая сессия за 2000 год. Тезисы докладов. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. - С.18-19.
16. Бутягин А.М., Виноградов Ю.А., Чистов Д.Е. Раскопки Мирмекия в 2000 г. // Археологічні відкриття в Україні 1999-2000 рр. - Київ, 2001. - С.84-85.
17. Бутягин А.М., Виноградов Ю.А., Новоселова Н.Ю., Чистов Д.Е. Работы Мирмекийской археологической экспедиции в 2002 г. // Отчетная археологическая сессия за 2002 год. Тезисы докладов. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – С.29-32.

18. Бутягин А.М., Новоселов Н.В., Новоселова Н.Ю., Чистов Д.Е. Работы Мирмекийской экспедиции в 2003 г. // Отчетная археологическая сессия за 2003 год. Тезисы докладов. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. - С.113-125.
19. Бутягин А.М., Чистов Д.Е. Факторы выделения античных святилищ VI-IV вв. до н.э. (по материалам боспорских городов) // Святилища. Археология ритуала и вопросы семантики. Материалы конференции. - СПб, 2000. - С.62-67.
20. Бутягин А.М., Чистов Д.Е. Работы Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2003 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр. - Київ, 2004. - С.77-78.
21. Бутягин А. М., Чистов Д. Е. Мирмекийский клад кизикинов (предварительная информация) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. Материалы конференции. - СПб, 2004. - С.31-40.
22. Бутягин А.М., Чистов Д.Е. Новый комплекс IV в. до н.э. из Мирмекия // Боспорские исследования. - Симферополь-Керчь, 2005. - Вып. VIII. - С.131-151.
23. Бутягин А. М., Чистов Д. Е. Святилища Мирмекия VI – IV вв. до н. э. // VII Боспорские чтения. Материалы конференции. - Керчь, 2007. - С.46-55.
24. Chistov D. E. Myrmekion in the Second Half of the 5th – Beginning of the 3rd Centuries BC: Investigation Results and Study Problems // (ed. S.L. Solov'yov) Greek and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th – 1st Centuries BC: Proceedings of the International conference. BAR international series 1729. - Oxford, 2007. - p.26-31.
25. Butyagin A.M, Chistov D.E. The Hoard of Cyzicenes and Shrine of Demeter at Myrmekion // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An international journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Leiden, 2006. - Vol. 12 no 1-2. - p.77-132.